

ГЛАВА 19 ПРОСЛУШКА

Рисунки Марины Медведевой

Город лежал внизу, изрезанный ломтями на многоугольники затейливо переплетающимися линиями придорожных фонарей.

Ночь, темная и даже кромешная, наступила так давно, что уже собиралась отступить. Если бы не тучи, накрывшие город, ей бы пришлось туго в ее извечной борьбе с таким же неугомонным светилом. В любом другом провинциальном городе все порядочные люди давно спали бы, но и здесь они уже начали падать с ног, испытав все возможные развлечения, изобретенные цивилизацией.

А отель «Сказка» не спал. Окна двустворчатых постояльцев светились за одинаковыми темно-синими шторами. Вот кто-то задел портьеру, и в одном из окон блеснул яркий свет и пропал. Издалека из-за своих многочисленных пристроек гостиница выглядела как раскоряченный многоглазый осьминог, поджидающий добычу в чернильной пучине.

Утюг выбрал момент и вышел из тени, отбрасываемой разлапистой опушечной елью. Маршрут он выбрал по диагонали через щедро освещенную стоянку, расположенную напротив входа. Пружинистым шагом он огибал машины. Подойдя к «железю» конкурентов, он приостановился и ударил носком туфли по правому переднему скату. Словно по-шоферски проверяя его на прочность. В колесе остался торчать тонкий стальной штырь.

Ночной портье курил, дежуря часовым у входа.

— Добрый вечер! Сегодня не закрываю, не спит никто, — сообщил он зачем-то Утюгу и обвел рукой окна.

Пронеся свой медальный профиль, Утюг молча проследовал мимо наблюдательного портье.

Напарники по сыску Коротких в одной рубашке, с телефонной трубкой, прижатой к уху, и Брюховец в пижаме с туфлями в одной руке и носками в другой, стояли в номере навывтяжку. Брюховец подался вперед, пытаясь разобрать нечленораздельные звуки, доносящиеся из трубки. Говорящий явно рисковал сорвать голос. Монолог продлился минут пять. После этого, видимо, словарный запас по теме исчерпался.

Наконец Коротких осторожно положил трубку на рычаг и пощупал челюсть в раздумье. Он ввернул палец в ушную раковину и подергал ее, стараясь избавиться от звенящего звука.

Участливый Брюховец вопросительно уставился на партнера.

— Носки прибереги, — развернулся к нему Коротких.

— Шеф чем-то недоволен? — скромно спросил Брюховец и оглушительно чихнул.

— Прибереги носки! Сам скоро угоришь. — Коротких стянул через голову рубашку и грузно сел на кровать. — Ничего особенного. Беспокоится старик, — попытался создать он видимость безмятежности.

— Повышение не обещал?

— Я тебе сказал или кому — носки приברי! Постирал бы ты их. Воняют.

— Ладно, ладно, без проблем. Я слышал, он громко разговаривал.

Брюховец наклонился, пряча носки в туфли, а туфли — под кровать. Под взглядом Коротких он задвинул пыточный инструментарий поглубже.

— Совсем не бережет себя, — продолжил мягко Брюховец. — Как там зубы его?

Коротких опять задумался, поигрывая челюстью.

— Какие-нибудь новые указания? — допытывался Брюховец.

— Какие там указания! — досадливо поморщился Коротких и улегся на кровать. — Так, советы типа не пейте сырой воды!

— Мойте ноги перед едой! — пошутил Брюховец. — Это мы знаем. — Он выглядывал в окно, прикрываясь шторой. — Не спит родимый террариум, — сообщил он Коротких. — Что, подозревает что-то? Разглядел?

— Есть малость... Смотри не проболтайся!

— Да, — вздохнул Брюховец сочувственно. — На меня-то ты можешь рассчитывать, — значительно прибавил он.

— Ложись, не отсвечивай там! Утро уже скоро. Давай туши свет.

Брюховец послушался, выключил свет, зажег настольную лампу возле своей кровати и принялся разбирать постель.

— В котором часу, говоришь, они договорились? В десять? — пробормотал Коротких и перевернулся на бок лицом к стене.

— Вроде...

— Все, спать надо, — заключил Коротких.

Брюховец погасил лампу и завожился под одеялом, устраиваясь поудобнее.

— Не привык я один спать, — поделился он с Коротких. — Будильник заминировал?

Из угла Коротких донеслось утвердительное мычание.

— Что-то шеф мне показался раздраженным, — пожелал Брюховец напоследок спокойной ночи и зевнул.

— Прибью!

Уточнить, кого, Брюховец остерегся...

Несколькими метрами правее Плешивый сидел в кресле. Перед ним располагался журнальный столик, на котором лежала километровая карта местности. Он

наклонился, провел над ней сигаретой извилистый путь, затем перехватил сигарету в другую руку и ткнул указательным пальцем в точку на карте.

Рядом... Совсем рядом... Плешивый затянулся и бросил взгляд на чемодан в центре огромной кровати.

Он еще раз прикинул расстояние пальцами руки, расставив их циркулем. В нервном возбуждении он погмыкал, закашлялся, вскочил на ноги и принялся ходить по номеру, часто останавливаясь, затягиваясь и выпуская дым. Подойдя к мини-бару, он открыл его, достал бутылку виски и наплескал полстакана. Опустошив его, он приблизился к окну и отдернул штору. Опираясь предплечьем на раму, постоял и принял окончательное решение, после чего плотно зашторил окно.

Прикрыв дипломат пиджаком, он вышел в коридор, закрыл номер на ключ и завернул за угол...

Проснулся Брюховец от жары с чувством, что не спал и нескольких удушливых минут. Кондиционер на ночь не включали — Коротких считал себя простуженным. Откинул простыню. Сел на кровати, потер затылок, взъерошив волосы, и поднялся. Коротких спал как убитый. Набегался... Да и сон ему, похоже, снился беспокойный... На лице его застыла гримаса испуга.

На цыпочках, чтобы его не разбудить, Брюховец прокрался в ванную. Унитаз поманил призывным блеском керамики, но тужиться было нечем. Он открыл кран и подставил голову под тоненькую струйку воды. Струйка быстро иссякла. Брюховец с досады треснул по крану пятерней, провел пальцами по отверстию и потер влажной ладонью шею.

На обратном пути ему послышался какой-то шорох за дверью. Брюховец замер и прислушался. Он осторожно вернулся в комнату и оделся. Коротких спал, высвистывая носом соловьиные трели.

Коридор был пуст. В дальнем конце у лестницы мелькнули две женские фигуры. Вовремя осекшись, он не стал их окликать.

В холле стояла тишина. Не заходя в него, он продолжил преследование через одноэтажный переход в крыло зимнего сада. Женщины покинули гостиницу. Брюховец устремился за ними, на ходу проверив замок. Он не был взломан.

Пройдя по аллее вниз по склону, когда здание отеля уже начало скрываться за кронами деревьев, он хотел окликнуть беглянок. Как вдруг у его уха раздался замогильный голос:

— Стой, стрелять буду!

Брюховец вздрогнул и начал рвать на себе одежду, добираясь до пистолета. Посмотрев вверх по направлению голоса, он увидел, что из открытого окна боковой двери темно-коричневого фургона, стоящего на дороге параллельно аллее, на него смотрит смеющаяся Левина рожа с окурком в углу рта.

— А куда это вы в этот поздний час?

Оправив одежду, Брюховец прошипел:

— Житья от вас нет. До инфаркта доведете!

— За кем бежал, гонимый?

— Ситуацию контролирую. Я.

— Я вижу. Давай залазь. — Лева открыл дверь. — Передохни.

Фургон был похож на большой цельнометаллический микроавтобус. Внутри, в клубах сигаретного дыма, царил рабочий беспорядок. У небольшого откидного столика сидели Петя с Палычем за партией в шахматы. Игра шла на деньги. Ставка лежала рядом с доской. Палыч обхватил голову руками, вздыбив волосы. Петя же откинулся на спинку дюралевого стула и раскачивался, балансируя на двух ножках, но от доски взгляда не отводил. Чей ход, было понятно...

— Вся гоп-компания на месте. Вы что, живете тут? — любопытствовал Брюховец. — Бросайте играть! Вы по чем, кстати? Ставка больше, чем жизнь?

— Нет, чем фронт без пощады, — ответил за шахматистов Лева, отошел в дальний угол и открыл заднее окошко размером с форточку.

— Давайте лучше в домино сбачаем, — предложил Брюховец.

— Сейчас, — отозвался Петя, — Палыч сольется. В экстазе!

— С тобой, что ли? — спросил из угла Лева.

Палыч бормотал нечленораздельно, пошевелил волосы, поставив их вертикально, надеясь отбиться. Лева выбросил бычок наружу, зашторил окошко, оставив его открытым, и включил дополнительный свет.

— А накурили-то, — помахал рукой в воздухе Брюховец. — Сидите тут — трое голодных псов, раздетых до трусов!

— И ты вот подошел, — констатировал Лева. — Раздевайся!

— Тесновато тут у вас, — не расслышал Брюховец.

— А мы вот тем не менее сидим, работаем. Вон Петя не спит, держится... Второй день уже. Петя, лошадью ходи, лошадью! Век воли не видать! Это ты, Эдвард, все за женщинами гоняешься. За тетками какими-то следовал, — добавил Лева для шахматистов.

— Его профиль! — обронил Палыч.

— А ты, значит, за мужиками гоняешься? — ответил Брюховец. — Я тут по делу, — попытался он оправдаться. — Да я ненадолго. Васисуалий там один...

— Ничего, хоть отдохнет от тебя.

Брюховец присел на табуретку и осмотрел убранство салона.

Помимо нескольких сидячих мест, там были какие-то этажерки приборов с индикацией и жгуты проводов. Свободные остатки стен завешаны несколькими картами. На обратной стороне двери присутствовала и диаграмма, что напоминало кабинет Мужикова на выезде.

— Я, так понимаю, шеф здесь? — заключил Брюховец. — У вас тут прямо штаб!

— В морге, — уточнил Палыч. — Вскрытие идет. Консилиумом.

— Да ты что? Не может быть!

— Да, отошел он... Не совсем, правда. Отъехал только, — успокоил Петя. — На совещании он, с Валерой. Сдаешься, Палыч? — Петя показал рукой на доску. — Что ты трепыхаешься?

Палыч двинул фигуру. Петя быстро ответил на его выпад, грохнув по доске ладьей. Битва титанов продолжалась. Щедрый Лева по-братски угостил Брюховца сигаретой, подсел к нему и приобнял за плечи.

— Шеф в бане с административной паритесь. Как он рвал и метал! — Лева мечтательно закатыл глаза. — У него аж повязка сползала. Ему челюсть подвязали бинтами, — пояснил Лева. — А ему — хоть бы что! Ничего, не выпала. Челюсть. Да... Теперь весь город ищет, кто ему в рыло дал. Передай Василию Сергеевичу...

— Слушайте, ребята, — Брюховец окинул всех взглядом, — надо как-то размагнитить ситуацию! Васисуалий переживает...

— Ха, размагнитишь его! — включился опять Палыч. — Василию Сергеевичу вашему полезно будет попереживать, похудеет немного!

— Злой ты какой, — мягко начал подбираться к теме Лева.

— Ты бы видел, что тут было! — продолжил Палыч, не обращая внимания на замечание. — Насилу успокоили! Но ты не бойсь — в смысле, передай Василию Сергеевичу: мы его прикрываем. Хотя нам тяжело. Трудно, знаешь... Пусть таритесь, короче. Как говорится, друзья познаются в биде. — Палыч, довольный, заржал.

— Да, — поддержал Лева, — друг не оставит в биде! Особенно такой, как Палыч. После совместного посещения туалета...

Палыч углубился в обдумывание решающего хода всей партии.

— Да-а, — отметил момент Лева. — Мы шефу тут все мозги закомпостировали. Не он, говорим, это был! Насилу поверил. Пока, правда, не совсем...

— Это правильно, — похвалил Брюховец.

— Сдавайся! — неожиданно гаркнул Петя.

— Эх, черт, — посокрушался Палыч, осматривая позицию, и яростно почесал шевелюру. — Гады гниды голову грызут! А, была не была. Где наша не пропадала! — выкликнул Палыч. — Сдаюсь.

— Давно бы так! — обрадовался Брюховец. — Давайте замесим.

— А тебе не пора? Детское время ведь давно кончилось, — ехидно оскалился Лева. — «Спокойной ночи, малыши» пропустишь.

— Не, я не хочу, — отказался Петя. — Послушаю лучше. — Он собрался нацепить наушники, подключенные проводом к испещренному тумблерами и кнопками прибору.

— Ну ты, Петя, — сволочь! — заклеил его Брюховец. — А что вы делаете здесь? Чего вас всех сюда задвинули к нам? Ориентировка какая есть?

— Да если бы не мы, кто бы тут работал. — Палыч собирал фигуры в коробку. — Местные эти сыскари? Дети! Тебе ли не знать, что тут за опе-

ративный состав. — Помогаем вам! Контролируем. — Палыч раздвинул руки, показывая широту охвата.

— А чего контролируете?

— Да вас всех! Вон, слушаем номера...

— Контролер! Лупу не забыл? Нам что, не доверяют? — обиделся Брюховец.

— Да нужны вы нам. Там вон полная гостиница криминала.

— Слушайте, я не пойму... — Брюховец возбудился. — Тут эти двое, Плешивый с Зеленым, таскаются с чемоданами, полными баксов, от самой Москвы, а мы все ходим вокруг да около! Чего-то фиксируем, — передразнил он Коротких.

— Так это они банк сорвали? — удивился Петя.

— Ты, Петя, даешь! Мог бы и раньше догадаться. Ты че там — радио слушаешь, что ли? — Брюховец покровительственно усмехнулся. — Сидите тут, как в консервной банке. Толку от вас...

— А что, по-твоему, делать надо? — вкрадчиво спросил Лева, конкретизируя предыдущий пассаж Брюховца.

— Да это самое, брать их надо! И деньги забрать...

— Мужикову предлагал? — осведомился Петя и натянул наушники.

Брюховец отмахнулся.

— Про деньги — это ты хорошо, — сказал Палыч. — Денег у них, значит, много. Говорят.

— Кто говорит?

— Да все говорят. — И Палыч кивнул на Петю, растворившегося в эфире.

— Вот я и говорю: исчезнут они с деньгами, и пиши пропало! А шеф телится. Вообще, неспроста это все. Раз приехал, значит, делить будут скоро. — Брюховец раскраснелся от догадки.

— Чего делить?

— Деньги! Темнят все, и Толстый темнит. Смо-трим да смотрим. Что-то тут не так!

— Начальству виднее, — успокоил Брюховца Палыч. — Не распаяйся. Ты лучше скажи, как у тебя на интимном фронте дела?

— Как, как? Никак! Только попытаюсь познакомиться — и сразу «работаем!» — Брюховец досадливо передернулся. — Он же разве даст?

— А ты проси лучше! — заржал Лева. — Может, и даст.

— Но ты, я смотрю, — Палыч обнажил ряд гниловатых зубов, — времени все равно даром не тережь. Чуть что — в кусты и по девкам! От работы косишь?

— Да он — шланг, — поставил диагноз Лева. — Василий Сергеевич трудится в поте лица, а он шланг-

гом прикинулся и... — Лева изобразил движением руки змеистую линию. — Шлангуешь?

— Шланг! Аж резиной воняет, — убежденно поддержал Палыч. — Гофрированный. Надо вывести степень гофрации, — обратился он к Лева с предложением.

— Да у него гофрация равна бесконечности. Без логарифмической линейки видно.

Палыч уставился на Брюховца, делая прикидку гофрации.

— Счеты дать, счетоводы? — Брюховец поднялся.

Петя снял наушники и пригладил волосы, по привычке заботливо укрывая плешь.

— Ну, что там? — спросил Лева.

Петя туманно улыбнулся, давая понять, что позже расскажет новости.

— А ну вас, друзья, называется, — Брюховец надулся. — Я пошел. Спать надо.

— Подчиняемся приказу, — посокрушался Палыч. — Нич-чем невозможно помочь. Ничем!

— Я с вами как с людьми, — Брюховец открыл дверь и спрыгнул на землю. — Приду в номер — попукаю, можете послушать!

— Не обижай никого по дороге!

— И за красными девицами не гоняйся!

— И вообще, веди себя прилично. Не маленький уже!

— Дурносмехи, — огрызнулся Брюховец. — Все Василию расскажу.

— Стой, не уходи, кто вам морды начистил?! Так и не дорассказал...

Брюховец принял решение вернуться тем же путем, через длинный стеклянный павильон зимнего сада. Но дверь неожиданно оказалась закрытой. Пришлось идти через главный вход.

Ничему не удивляющийся портье привычно поздоровался, вторично пожелав Брюховцу спокойной ночи. Брюховец поразмыслил, не является ли это издевкой, но в конфликт не вошел. Уже на своем этаже он пожалел только, что не сказал, будто выпал из окна.

В конце коридора за кадкой с фикусом мелькнула тень.

Он насторожился и медленно двинулся вдоль однообразного ряда коричневых дверей, подошел к номеру Плешивого и прислушался. Тишина.

Проходя мимо номера Зеленого на цыпочках, Брюховец опять прислушался, но за дверью тоже все было тихо.

Оглядываясь, Брюховец осторожно проник в свой номер и в ужасе замер. Прямо перед ним возвышался одетый Коротких с пистолетом в руке и равномерно храпел. Брюховец, показывая

большим пальцем через плечо назад, хотел было что-то сказать, но Коротких быстро прикрыл ему рот ладонью. И Брюховец чихнул ему в руку.

Убедившись, что повторения не будет, Коротких отнял руку ото рта напарника и вытер о его пиджак. Храпеть он не переставал. Напомнив Брюховцу жестом о молчании, Коротких увлек его в комнату, не забыв усилить звук.

А Зеленый полулежал на кровати, закинув руки за голову. Телевизор надрывался силами группы суматошных музыкантов. Но он смотрел не на экран, а в раскрытый чемодан, который лежал на журнальном столике перед тумбочкой с телевизором. Содержимое, от греха подальше, было прикрыто газеткой. Наверное, зрение Зеленого обострилось до рентгеновского, и от невыносимости проявляющейся картинки он потерял виски.

А что — потом? Потом с ней решу! Посмотрим. На кого она может работать? Друг этот мамин, краснорожий. Из органов...

Значит, завербована. Черт побери, одна муть в голову лезет! Хотя, работает она где? Понятное дело... Департамент по взаимодействию с правоохранительными органами, так кажется. Вот и взаимодействует с кем-то. И еще, видимо, со мной. Я-то кто — правоохранительные органы и есть. Это вопрос?

Щит и меч, черт побери! Да, еще бы и шлем не помешал, голову прикрыть. Столько шишек на нее. Взаимодействует, значит... Значит, ее мне подставили. Или это — слишком? Кому я нужен? А почему бы и нет... Может, и не я, так деньги нужны. Хотя с деньгами могли бы и попоше разобраться. Такую суету зачем поднимать? Точно, завербована. Или нет... Но на кого же она тогда работает? Кто этот друг — из органов? Мамин, говорит. Короче, бежать надо! Второго раза может не быть. Еще завалят за эти деньги. А кто? Да кто угодно...

Он порылся в карманах, достал ключ с брелоком автомобильной сигнализации, нажал кнопку. Прислушиваясь, быстро поднялся и подошел к двери. Потрогав круглую бронзовую ручку, он замешкался и столь же быстро вернулся, спрятал дипломат в сейф. Затем, осторожно приоткрыв дверь, проскользнул в коридор.

Первой целью его ночной вылазки значился номер Коротких и Брюховца. Он постоял перед ним, послушал богатырское храпение Коротких, усмехнулся, повеселев, и устремился дальше по коридору, придерживаясь стены.

Отель «Сказка» не сдавался, продолжая жить полнокровной жизнью. Число освещенных окон видимым образом не уменьшилось...

Плешивый стоял у номера Зеленого и, прильнув ухом к двери, вслушивался в шаманские заунывную песнь, доносящуюся из телевизора...

Девушки удалились от отеля достаточно далеко. От бега они запыхались. Спрятавшись за толстым деревом, осмотрелись. Мужик давно отстал, но от этого спокойствие не вернулось. Шорохи, птички просыпающиеся вскрики, треск — все это не прибавляло уверенности в себе.

— Пойдем сядем! Нету его, успокойся. — Светка осмотрела и ощупала туфли. — Не хватало еще каблук сломать.

Они присели на скамейку. Начинало светать.

— Чего ты подорвалась?! Мужик как мужик. Не маньяк же! Ростом, правда, мелковат...

— Откуда такая уверенность, Светка, не пойму?

— Да ну тебя! С тобой только на похороны ходить... Может, расскажешь все же теперь? Или я пошла, — пригрозила Светка. — Замучила своей таинственностью! У вас все там такие, секретные? Я смотрю, твоя работа наложила на тебя неизгладимый отпечаток. Подозрительная такая, спасу нет. Мужиков уже боишься! Смотри, зацелуют до смерти.

На второе посещение «Сказки» Алла решиться не могла. Поэтому они сидели на скамейке в парке и мерзли. Погода испортилась, а оделись легко. Надо было что-то решать. Собственно, надо возвращаться в свою гостиницу, ничего они тут не высидят.

Светка непрерывно наседала с целью выяснения непонятного ночного визита в эту «Сказку». Который стал непонятным после того, как они ее спешно покинули, так ни с кем и не пообщавшись. Алла пыталась придумать другую версию. С тех пор, как они убежали, а шли развлекаться, как считала Светка, трудно было объяснить, что же произошло.

После ночного звонка Зеленого она не находила себе места. Что-то в его голосе показалось ей странным. Уверения какие-то, словно оправдания... Не сможет завтра встретиться, то есть уже сегодня. И обещание позвонить еще... Сказано это было так, что Алле почудилось: этого как раз может и не произойти. Решив разобраться во всем, Алла мысленно проголосовала за нанесение неожиданного визита. Зеленый ведь не знает о том, что ей известно, где он обретается. Сюрприз!..

Черт, такси не надо было отпускать...

Светке она сказала, что ей позвонил знакомый, пригласил на вечеринку. Легенда о наличии других — привлекательных — знакомых, кроме Карпа, прошла легко. Тот, наверное, долго икал

во сне, помянутой Светкой многочисленными недобрыми словами. Заверила также в наличии достойного друга у нового знакомого. Светка немного покочевряжилась — она уже смыла косметику, но согласилась, уточнив только, что это больше похоже на утренник. Спать она все равно не могла. В казино она зачем-то ввязалась в игру, причем на свои, и спустила энную сумму. Которой, на трезвую голову, ей явно не доставало. Положительные эмоции недавнего загула сменились отрицательными. Она долго брюзжала в ванной, интересуясь столь резкой сменой настроения подруги, но отказать себе в удовольствии не смогла.

Алле же не терпелось взглянуть Зеленому в глаза, поэтому собрались и добрались быстро. Чтобы окончательно снять подозрения, пришлось сообщить Светке о прекрасном материальном положении избранников. Последнее удачно подтвердил таксист, охарактеризовав отель «Сказка» как весьма дорогой и эксклюзивный. На это слово, вкупе со словами «элитный» и VIP, Светка, как работник рекламного бизнеса, западала железно. Алла даже не до конца продумала, что будет с подругой — хотя это и было предсказуемо, — когда вместо состоятельного ухажера они наткнутся на Зеленого.

Семейных скандалов Светка не любила. Поэтому отношения надо выяснять без Светки. Короче, Зеленый должен обеспечить Светке этого Плешивого. Как раз достаточно состоятельный крот, да и желание у нее присутствовало.

А вот отношения надо выяснить... И главное — деньги!

Портье отнесся к ним неожиданно безразлично. Но тщательно спланированный сюрприз преподнести не удалось. Алла еле успела развернуть Светку. Навстречу, в компании примелькавшихся на работе генералов, двигался Кузьмич. Такого митинга следовало избежать. Потом один из них, видимо, и увязался за ними. Загнал в какую-то оранжерею. Хорошо, дверь была открыта...

Хотя, а чего молчать? Кузьмич так Кузьмич! Лучше ничего не придумаешь. Идти назад, в гостиницу, все же не стоило.

Вызвав такси, они, согреваясь, побрели по дороге.

Поведав Светке новость о, видимо, негласно прибывшем в Сочи начальнике, Алла как могла успокоила ее. Уж больно она расстроилась сорванным журфиксом. Убедить ее, что хоть Кузьмич и отпустил официально в отгул, но встречаться с ним нужды нет, составило некоторого труда. Сошлись на обещании, что она не только обязательно дозвонится до своего знакомого, но и об-

ратится к Зеленому, чтобы сдал своего лысого друга. Телефон опять был недоступен. Зеленый, гад, отключился! Светка ругалась как сапожник.

Совсем рассвело. Какая-то светлая машина спускалась от отеля по серпантину вниз, не включая фар. Мелькая в просветах между деревьями, она быстро приближалась. Когда она поравнялась с ними, Алла узнала серебристый мерседес.

Долгожданное такси подъехало очень кстати, позволив продолжить погоню.

ГЛАВА 20 ГРАНИЦА РЯДОМ

Откровенно светало. Цвета окружающего мира начали открываться пока что приглушенно, придавленные серо-свинцовым облачным небом. На его фоне проявился четырехэтажный сказочный отель. Осталось закрепить...

Коротких с Брюховцом скукожились от утренней прохлады в приданном чуде технической мысли отечественного автопрома, прячась за невысоким, аккуратно подстриженным зеленым кустарником. Брюховец упал лицом на руль. Наблюдали за входом в отель, держа в поле зрения стоянку и мерседес Плешивого, который цветом идеально подходил под общий настрой утра.

Переругивались на излете завода. Коротких утомленно отчитывал напарника за тягу к сортирам и лунатизм. Брюховец вяло, по инерции, оправдывался повышенным чутьем, чувством долга, необходимостью свежего воздуха перед сном и информацией о «наших» ребятах, опавшихся неподалеку в фургоне. Особенно акцентировалась забота о самом Коротких в связи с недавним инцидентом с рукоприкладством по отношению к вышестоящим чинам. Вопиющее нарушение субординации, других слов не подобрать! Брюховец даже оторвал голову от жесткой перекладины руля. Коротких данную тему не педалировал, указывая на неуместную суету, в связи с чем на него падала основная нагрузка, которую ему становилось все труднее нести и вынести.

Открылось дальше, техническое слюдяное окно на первом этаже, и оттуда выпрыгнул Плешивый с дипломатом в руке. Глядя прямо перед собой, невозмутимо пошел по тротуару вдоль здания.

Брюховец дернулся, но Коротких осадил его. Плешивый пересек подъездную дорожку и остановился.

Из отеля вышел Зеленый, тоже с чемоданом, и, не раздумывая, метнулся к мерседесу. Увидев

это, Плешивый тоже побежал к машине. Оба нажали на кнопки сигнализации. Машина с кряканьем и миганием подфарниками разблокировалась и заблокировалась. Стоя по разные стороны, держа ручки дверей, они провели короткую безмолвную дуэль. После чего Плешивый использовал свой брелок, и они одновременно рванули двери. Плешивый вскочил за руль, а Зеленый прыгнул в соседнее кресло.

Гонка за лидером началась с места в карьер. Пара «ведущий — ведомый» была сложившейся.

— Я сразу понял, что ты меня ни на кого не выведешь. Просто упустить такой шанс — сорвать банк в том банке, — усмехнулся Плешивый, — не в моих правилах. Ты смотри, девчонки уже на работу вышли, — удивился он.

Усталые подруги ковыляли по обочине. Мерседес пронесся мимо. Брюховец успел помахать им рукой. Навстречу поднималось такси.

— Я тебя тоже раскусил.

— Ладно! Теперь главное — до границы добраться. Я полагаю, это твое сокровенное желание. Когда ключ от машины крал, об этом, поди, мыслил? Думаешь, я не заметил?

Зеленый пожал плечами:

— А чего раньше не дернул?

— Нельзя было! Почву подготовить надо было. Ты ведь тоже сегодня только решил отбыть за рубеж?

Плешивый внимательно посмотрел на собеседника.

Мерседес, а следом за ним, как приклеенный, «желудь» неслись по тихим утренним улочкам Сочи.

— Успеем? — спросил Зеленый.

— Сейчас проверим, кто нами еще интересуется, и — на перевал! Там с нашими деньгами... Товарищи гуроны помогут братьям по разуму. За денежные знаки — всегда. Эти идиоты нам не помешают, — сказал Плешивый, посмотрев в зеркало заднего вида.

— А потом?

— Там видно будет. У кого варит котелок, тот не варит стали. Разделимся! Уж не обессудь, я над тобой шефство брать не обещал. Ты, кстати, не в курсе, что это везде шум о пяти миллионах идет?

— Не знаю! У нас речь шла о трех.

Плешивый испытывающе глянул на поделника.

— У нас — тоже. У тебя отдышки есть какие-нибудь?

— Только ментовская, — ответил Зеленый и достал из кармана красное удостоверение с гербом.

— Тебе что — оставили его? — искренне удивился Плешивый.

— Оно на другую фамилию. Консультант управления.

— Не пойдет. Тогда мимо постов, — сказал Плешивый и резко вывернул руль.

Мерседес свернул в проулок.

Преследователи еле вписались в поворот. «Желудь» вылетел на узкий тротуар. От удара о бордюр «привет» от Утюга сработал. Штырь выскочил. Переднее колесо хлопнуло и спустило. Машина понеслась рывками, ее бросало из стороны в сторону. Брюховец с трудом удерживал автомобиль на проезжей части.

За город выскочили через какие-то буераки, меж фундаментов неоконченного строительства. Дальше дорога, плутая среди подлеска, постепенно забиралась выше.

— За границу уйдут! — выкрикнул Брюховец.

— Шеф сказал брать. — Коротких цеплялся за все, что попадалось под руку, пытаясь удержать равновесие. Ручку над окном он уже оторвал.

— Кого — Зеленого? — не преминул пошутить Брюховец.

— Обоих!

Над дорогой на бреющем пролетел вертолет. В открытом боковом проеме был виден Утюг, перепопсанный страховкой. Одна нога его висела в воздухе. На груди болталась автоматическая винтовка с оптическим прицелом.

За следующим поворотом перед мерседесом возник мотоцикл. Полицейский жезлом приказал остановиться. Плешивый проигнорировал отмажку и, обогнув стража порядка, понесся дальше. Но впереди поперек дороги стояли две патрульные машины. Плешивый съехал с асфальта и нащупал еле заметную колею проселочной дороги, уходящую в лес.

«Желудь», подсакивая, не отставал. Далеко внизу позади показались несколько милицейских машин, темно-синий фургон и такси.

Приказ гнать быстрее Коротких еле выговорил от тряски. На бездорожье даже он подпрыгивал, скованный лишь габаритами малолитражки.

С вертолета выпустили несколько очередей трассирующими пулями. Первая прошла багажник «желудя», вторая нагнала мерседес, и он, издавая чихающие звуки, уткнулся бампером в дерево, зачадил, внезапно обессилев.

— Все, наши, — прохрипел Коротких. — Граница за тем холмом. — Он махнул рукой в направлении леса.

Брюховец недоуменно посмотрел на напарника.

Плешивый с Зеленым выскочили, каждый со своим чемоданом, из курящегося дымком мерседеса и побежали, петляя между деревь-

ями. В оставленной машине открылся багажник, и оттуда сложенным перочинным ножом выпал Карп.

Ехать дальше стало невозможно. Земля была усеяна камнями. Брюховец с Коротких, пистолеты наголо, погнались за Плешивым и Зеленым, опережающими их с гандикапом метров в пятьдесят.

Те бежали наперегонки, как братья Знаменские. Или на их приз. Внезапно из кустов материализовался Пинчер и порысил рядом со стороны Зеленого, то отдаляясь, то приближаясь в соответствии с рельефом местности. Зеленый выстрелил в него. Не попал. Пинчер ушел немного дальше, затем примерился и с ходу, пауком, прыгнул на дипломат. Зеленый успел отстранить чемодан, и представитель Интерпола, выполняя спецзадание, налетел грудью на валун.

Добежав до вставшего было враскорячку Пинчера, Коротких, не снижая темпа, без замаха, ударом ноги в зад, отправил его в кусты.

Четверка пронеслась рядом с костром, у которого на корточках сидел, завернувшись в теплое клетчатое одеяло, тайный резидент китайской разведки. Похожий в своих очках на слепую статую правосудия. Над костром на пруте висел изрядно закопченный чайник...

Мужиков с перебинтованной головой приобрел вид раненого командира. Он руководил оравой полицейских. Те высыпались на дорогу из нескольких машин с продолжающими работать мигалками. Как цыплята, они сгрудились вокруг наседки, лоя указующие персты. Мужиков, махая руками, как мельница, направлял их поиски.

— Туда! Не туда! Туда! Не все — туда, половина — туда. Половина — сюда, я сказал! Вы — туда! — отправил он команду оперов из подоспевшего темно-коричневого фургона. — Палыч — старший. Смотри в оба! Со мной! — махнул он остолбеневшему от обилия приказов молодому сержанту. — Быстро!

Полицейские в роли загонщиков производили шум стада баранов, прорывающегося на водопой в засуху. Над ними заходил на снижение вертолет, опережая разворачивающуюся цепь милиционеров.

Оценив прыть конкурирующей организации, Мужиков, перекрывая рев винтов, заорал на весь лесной массив своим уже поглощенным зеленью подчиненным:

— Стреляйте! Уйдут же! Деньги там, — простонал он и углубился в лес.

Молодой сержант послушно достал пистолет и принялся палить веером, как по бегущему кабану. Серия ему удалась.

Он удачно попал в Брюховца.

— А-а-а! — закричал тот от боли и схватился за окровавленную кисть. — А-а-а-а!!! — закричал он в ужасе.

На поляну выбежал Утюг в полной боевой экипировке десантника-разведчика. Лицо его было вымазано черной краской.

Брюовец и Коротких быстро скорректировали свой путь, огибая Утюга-рейнджера по максимально удаленной дуге, стараясь не терять из виду объекты преследования.

Вокруг раздавались выстрелы. Неприятный поющий звук летящих пуль наполнил лес.

Подельники скрылись из виду. За ними, перехватывая инициативу, проскочил Карп. Несмотря на долгое лежание в багажнике, он хорошо размял ноги и при его годах поддерживал приличную скорость.

На Плешивого и Зеленого выскочили из-за стокола деревьев два запыхавшихся полицейских. опередив их, Плешивый уложил служивых двумя выстрелами, как в тире.

— До границы — рукой подать, — проговорил Плешивый и высморкался. — Речку вброд перейдем.

Зеленый кивнул на бегу, экономя силы.

Неожиданно одна из пуль, метавшихся в зарослях, попала Плешивому в ногу, и он, застонав, упал. Правая штанина быстро темнела от крови. Зеленый тут же пришел на помощь. Вырвав у Плешивого из рук дипломат, он устремился в глубь леса.

— Скотина! — выругался Плешивый и, превозмогая боль, поковылял за Зеленым. — Мусор левый!

Зеленый вылетел на небольшую лужайку, притормозил, сориентировался и полетел с ног от удара кулака из кустов. Коротких выбрался из объятия цепких ветвей и быстро подхватил один из чемоданов, выпавший у Зеленого, и, довольствуясь малым, но верным, побежал в сторону границы.

Брюовец сцепился с Зеленым в борьбе за второе вместилище денежных средств и, действуя pistolетом, как кирпичом, и приговаривая «отдай!», отобрал его. Он ринулся за Коротких, полагаясь на его интуицию. Зеленый с окровавленной головой поднялся и, шатаясь, побежал за грабителями.

Сзади приближалась разношерстная толпа.

У Коротких чемодан отобрал Утюг. Он возник перед ним и просто протянул руку. Коротких, решив, что рука дающего не оскудеет, не стал иску-

шать судьбу и безропотно отдал добычу. С которой Утюг тут же попытался скрыться. Но на него сзади бесстрашно напрыгнул, обеими ногами вперёд, Пинчер. Лавры известных каратистов, видно, не давали ему покоя. Дипломат полетел на траву.

Из зарослей к нему дернулся тайный резидент китайской разведки, но, увидев искаженное от ярости лицо Пинчера, с воплем встал в позицию карате (сошлись два гиганта)... и нырнул обратно в кусты. Битвы не получилось.

Коротких ошалело наблюдал за дракой Утюга и Пинчера. Удары перемежались дикими выкриками. Утюг оказался не так страшен, как его малевали, а Пинчер предстал просто каким-то ниндзя. К ним, по мере поступления, присоединились потерявшие в запале инстинкт самосохранения двое полицейских и Зеленый. Причем каждый, кому удавалось овладеть дипломатом, тщетно пытался стартовать с ним в направлении вождя-ленного кордона.

Один из полицейских выбрался из свалки с чемоданом, у которого была оторвана ручка, зажав его под мышкой. За ним неслась уже целая толпа. Основной костяк группы составляли его же товарищи, которыми она обростала, как снежный ком. Присутствовали также Утюг, Пинчер, Зеленый, Карп и даже осторожный китаец. Отчаянный спурт не удался. Полицейского догнали.

Выйдя из оцепенения, Коротких выбрал жертву полегче. Он догнал временно брошенного на произвол судьбы Брюховца, который зайцем петлял по лужайке, не находя выхода, сшиб его с ног и, отобрав дипломат, кинулся убежать. Но наткнулся на Плешивого. Тот, покачиваясь, одной рукой держался за ветку, а второй направлял пистолет на Коротких.

Коротких смещался, уходя от прыгающего ствола Плешивого. Он бросился в сторону, но одна из пуль все же попала ему в бок, и он упал. Толпа колесом с ревом пронеслась по нему. И уже Карп выбрался из нее с двумя чемоданами. Вприпрыжку, как опаздывающий на поезд, он понесся прямо на Мужикова.

Семен Януариевич — откуда что взялось — выпрыгнул, взбрыкнул ногами, и Карп свалился без задних ног. Мужиков потер руки о мундир, алчно глядя на лежащие у его ног дипломаты, подхватил их и дернулся вправо... влево...

Его окружали избитые, потрепанные, тяжело дышащие полицейские, Утюг, Пинчер, Коротких с Брюховцом и Плешивый с Зеленым. Последние четверо были в крови. Приближался материализовавшийся из тумана Валера.

Мужиков быстро нашелся.

— Взять их! — Он мотнул правой рукой.

Замки одного чемодана расстегнулись, и деньги дождем просыпались на землю. Все тупо смотрели на туго перевязанные пачки зеленых купюр. Даже Карп подполз.

— Взять их! — Генерал уточняющее указал на Плешивого и Зеленого. — Быстро!

Служивые проснулись и бросились исполнять приказ.

Когда потрепанным отрядом подтянулись к брошенным на дороге патрульным машинам, там уже собралась изрядная толпа, состоящая в основном из репортеров.

Разогнав местных дилетантов, центральное место занял Двуппер. Он закрепил камеру на треноге, держа в кадре общий план, и лихорадочно устанавливал свет с помощью двух белых зонтов на штативах для ожидаемого крупного плана интервьюеров.

Из леса в облаке пыли появилось бесформенное людское скопление. Карп держался чуть впереди. Заметив повышенный интерес средств массовой информации при непонятном исходе, он боком поспешил в сторону от машин.

Подъехал запыленный автобус с телевизионщиками, которые с камерами на плечах начали мотаться, разматывая кабели и расставляя оборудование. Несколько человек сразу же побежали снять вертолет Утюга. А на месте, занятом предумышленным Двуппером, разыгралась грязная сцена корпоративного соперничества. Бросив постановку света, Двуппер врубился в ряды местных журналистов с криком:

— Господа, у меня эксклюзив!

Через пару минут очень оживленных пререканий группа местных худосочных телевизионщиков — в ней барахтались и Юрий с Володей с одной камерой на двоих — с квадратным Двуппером в центре стала напоминать знаменитую скульптурную композицию «Лаокоон, разрывающий путы», где роль сковывающих змеиных колец досталась силовому кабелю. Прижатый в клинче к канатам Двуппер выглядел неважно. В свалке Володя положил на него свою камеру. Московского зубра сплоченные местные гиены давили массой.

Конфликт быстро погасить не удалось. Задеты были чувствительные профессиональные струны, где-то даже честь обеих сторон. Об этике не вспоминалось. Поток ругательств и угроз иссяк только перед самым подходом процессии полицейских. Они спускались из леса «свиньей».

Возглавлял ее, правда, без лихого коня, красочно перебинтованный Мужиков. Судя по виду, он был готов принять лавровый венок. На его до-

вольном лице выражалась легкая усталость от разруливания нелегких процессов. Следом, влекомые мундирной сворой, брели Плешивый и Зеленый в наручниках. Кто конкретно их вел, было непонятно, так как за них, стараясь попасть в кадр, стремились подержаться все, что приводило к быстрой смене проводимых и легкой суматохе.

Приблизились под осветительные приборы Двуппера, и он начал отстрел кадров. Съемка велась вкруговую.

— Ваш комментарий для прессы, — налетели наперебой репортеры с микрофонами к руководителю операции.

Мужиков приосанился еще немного. Сзади сгрудились остальные участники погони.

— Всего два слова! Ограбление раскрыто?

— Кто эти люди в наручниках?

— Сделайте заявление для прессы...

— У меня эксклюзив!

— Пару вопросов, господин Мужиков!

— Как сложилось сотрудничество с местными правоохранительными органами?

— Нам сообщили очень мало, раскройте детали дела!

— Деньги найдены?!

— Да! — наконец произнес Мужиков, наслаждаясь триумфом.

— Что еще вы можете сказать?

— Могу... Полнее я смогу осветить и озвучить ситуацию позднее! Мы как раз начинаем разбираться...

В одной из полицейских машин отчаянно надрывалось, пытаясь привлечь внимание, переговорное устройство. Один из полицейских послушал рацию и передал ее подошедшему Мужикову. Он покинул освещенный круг и сел на переднее сиденье автомобиля. Какое-то время он оторопело слушал усиливаемый эхом голос издалека, затем вставил:

— Очень успешно! — И начал непрерывно кивать. — Даже сам не ожидал. Лично доложу, Петр Кузьмич. Вам!

Он выбрался из машины и снова был атакован работниками пера, вооруженными диктофонами.

— Когда будут объявлены результаты?

— Как вы находите наш город?

— К какой группировке принадлежат задержанные?

— Почему вы решили возглавить операцию лично?

— Вы ранены?

— Да. — Мужиков гордо поправил бинты на голове. — Пришлось трудновато! Но это ничего. Мы привыкли...

Репортеры дружно заглядывали ему в рот.

К месту событий по бургистскому косогору подтягивалась похоронная команда.

Впереди шел специально выделенный человек, несший охапку мятых фуражек, потерянных в процессе захвата. Следом четверо несли Пинчера, насильно включенного в останки павших, не давая ему подняться с носилок. Затем на нескольких носилках тащили тела павших и раненых, включая Коротких с Брюховцом. Брюховец отчаянно пытался направить движение медбратьев под объективы.

Звездный час службы...

Раны, полученные в жестокой борьбе с криминалом, сейчас попадут под объективы, и будет наконец объективно высвечена, выявлена и выражена в строгом печатном шрифте невыразимая заслуга оперуполномоченного Эдуарда Клавдиевича Брюховца как в общем противостоянии преступности, так и в данном частном деле поимки злостных рецидивистов. Брюховца распирала гордость за себя. Он уже подбирал слова, с которыми обратится к внимающим журналистам. Он мечтал о близком часе, когда прозревшая тетка узнает, с кем ей довелось проживать в один отрезок времени и на одной жилплощади. Возможно, что даже жена увидит как-нибудь его портрет и осознает совершенную ошибку. Ну что ж, он простит ее...

Но Мужиков выразительными угрожающими жестами согнал колонну санитаров с пути. Она сменила направление и понесла издержки боевой операции окольными путями.

Брюховец отчаянно махал всеми конечностями, безуспешно привлекая внимание...

Следом показалась троица приданных сил, возглавляемая Пальчем. Петя практически висел кулем на Левином плече, как тот ни пытался его сбросить. Мужиков сдвинул брови, но вспышка гнева была отменена появлением новых действующих лиц.

Те же и...

Перед вертолетом особого отдела, а может, и управления, из лесу показался Утюг с несколькими сослуживцами.

Мужиков скомандовал:

— В машину!

Плешивого с Зеленым упаковали на заднем сиденье. Пресс-конференция свернулась. Автомобиль взяли в кольцо, отогнав журналистов. Тренугу Двуппера при разворачивании эшелонированной обороны снесли — осветительные зонты путались под ногами. Только после этого опасность, по мнению Мужикова, была ликвидирована, хотя торопиться все же следовало.

— Едем! — скомандовал он, и все, кто успел, погрузились по машинам.

Сквозь кольца тройного оцепления, разорванные истошно сигналящей каретой «ускоренной помощи», тщетно пыталась прорваться Алла. Она явно опоздала к основным событиям и теперь довольствовалась слухами, распространяемыми борзописцами.

— Эти-то покосили сколько...

— Одних носилок пять штук!

— Не считая в лесу...

— Говорят, полевой госпиталь разворачивают...

— А на носилках по сколько человек было?

— А ты не видел?! Одних скорых — четыре!

— Взяли сколько человек-то?

— Пять полных машин отъехало. Я не считал.

Все в форме...

— Кровищи...

Версии громоздились одна на другой. Одна фантастичнее и кровавее другой. Тайный китайский резидент стенографировал на узбекском диалекте фарси.

Алла развернулась и пошла назад. Такси ожидало. Ее догнали Юрий с Володей и, забегая по очереди вперед, начали делиться впечатлениями. Из такси вылезла укачанная Светка. Сил на улыбку у нее не было, она распространяла флюиды мировой скорби. В проезжающей машине Алла различила бледное, с пятнами крови, лицо Зеленого. Он несмело поднял узкую ладонь в приветствии.

Вертолет вскружил пыль смерчем и разогнал, взлетая, оставшихся людей и репортеров по автобусам.

Мимо пронеслись перекасти-полем вдрызг истерзанные белые зонты Двуппера.

ГЛАВА 21 ТРИСТА ЛЕТ КОНЮ БУДЕННОГО

Что это?! — Петр Кузьмич был явно недоволен. — Это — ваша работа?

Мужиков принялся озираться. Перед столом Петра Кузьмича они стояли вдвоем. Вместе с дубоподобным Ивановым-Неизвестным.

— Я, между прочим, полагаясь на вас, доложил наверх! И сейчас только что оттуда. И мне надоело получать нарекания по вашей линии.

Петр Кузьмич методично задолбил указательным пальцем по полированной столешнице. На силовиков он не смотрел. Бог послал идиотов... Чем они там думают?

Он скользнул взглядом по вытянувшимся во фронт разновеликим фигурам, нагнулся, вытащил из нижнего ящика газеты и швырнул их на стол. На

первых полосах помещались портреты трех полицейских в траурных рамках и фотографии Плешивого с Зеленым в наручниках. Крупно набранные заголовки бросались в глаза. Петр Кузьмич встал и, обогнув стол, развернул одну из газет.

— Вот, полюбуйте на вашу работу, деятели! «Трое полицейских убито, двое — арестовано», — прочитал он заголовок. — Неплохо, да? Вы думаете, газет уже никто не читает? Я представляю, что было бы, если бы вы доработали по делу...

— Пресса раскрыла наших агентов, — прошептал Мужиков.

— Надо сказать, вовремя, — заметил Петр Кузьмич.

Он зашел за спины генералов, не дав им развернуться.

— У нас есть только один выход, — обратился к окну Петр Кузьмич. — Тихо порешать это дело не получилось, так что придется раздуть его. Но это, слава богу, уже не по вашей части!

— Я был уверен, что Плешивый связан с Дикобразом, — молвил Мужиков.

— Семен Януариевич! — Петр Кузьмич пресек попытку Мужикова оправдаться с интонацией, с которой обращаются к маленьким непослушным детям.

— Не пойму, как он клюнул на этого кретина из вашей конторы? — Иванов-Неизвестный начал разворачиваться к сопернику.

— Так, закончили! — безапелляционно прекратил зарождающуюся разборку Петр Кузьмич. — Не у меня. Не до вас сейчас, и так голова болит. Попрошу вас, — вынужден он был добавить. — Потом подискутируете! Люди меня ждут.

Двуппера Петр Кузьмич принял в комнате отдыха, смежной с кабинетом. На низком сервировочном столике дымился неизменный чай. Молчание не прерывалось, оба ожидали начала. Пауза Двуппера была поставлена лучше, он был весь внимание. Петр Кузьмич рассчитывал на любопытство и связанные с этим вопросы. Но собеседник был абсолютно спокоен, над ним явно не капало. Зато у Петра Кузьмича крыша явно текла после разносов, хотя этажность кабинета позволяла работать спокойно.

Наконец, поняв бесплодность молчания, Петр Кузьмич вздохнул:

— Может быть, чего-нибудь покрепче? — Он взглянул на бар. — Коньячку или виски?

— Спасибо!

— Спасибо «да» или спасибо, «нет»?

— Спасибо, нет. Столько дел еще сегодня!

Вот гад... Хочет быть умнее, чем выглядит. Дела у него... Пригласил, как порядочного чело-

века, а у него еще дела. Закормили их. Сволочь... Неблагодарная! Похоже, дешево от него не отделаешься. Как бы себе сберечь копейку?

Двуппер виду не подавал, но внутренне торжествовал. Приглашение к торгу прозвучало явно, и не он его начал. Журналист предвкушал солидный куш.

Прозвенел звонок по правительственной вертушке. Петр Кузьмич поднял кремовую трубку и с той глубокой радостью, с которой встречают когда-то потерянного и вновь обретенного близкого родственника, проникновенно произнес:

— Павел Поликарпович! — Затем, перейдя на более заурядный тон, он жеманно беспокоился: — Ну как же я? Как я могу? Я — вручать?! Павел Поликарпович! Конечно, в зал спущусь.

Разговор окончился.

— Везде я должен отдуваться, — пожаловался он Двупперу.

После звонка разговор пошел как по маслу, стремительно, из-за нехватки времени, выйдя на животрепещущие темы финансовых средств. Обсудили ракурсы и аспекты подачи событий, широту развития темы и, вообще, разворот дела в русле двойного тарифа и единовременной премии, включая компенсацию за испорченное оборудование. Двуппер отжал немало, но договаривающиеся стороны остались довольны, излучая взаимную симпатию.

Гул перед залом приемов городского совета нарастал. Самыми шумными были журналисты. Представители второй древнейшей профессии рассчитывали на последующий банкет и находились в приподнятом настроении. Большая группа пенсионеров-ветеранов формировала основной массив приглашенных. Рассредоточились они по всему залу кучками по интересам в соответствии с воспоминаниями и былыми направлениями главных ударов фронтов.

Работники разных силовых структур держались поодаль друг от друга, накапливаясь отдельно. Полицейские и особисты и здесь вели незримый бой, находясь в зримом антагонизме и не скрывая застарелой антипатии ведомств. Через холл из коридора в зал и обратно курсировали какие-то распорядители и помощники с озабоченными лицами людей при важном деле.

Ожидание затягивалось. Появились буфетчицы и принялись разносить прохладительные напитки. Пишущая и снимающая братия по привычке накинулась, но, слегка разочарованная отсутствием горячительных, все же отхлынула от раздачи застаренной и продолжила броуновское движение с бокалами в руках.

Из следственного изолятора Зеленого привезли в городской совет вместе с Плешивым. На обычной машине всего с одним сопровождающим, что было подтверждением смены декораций. Автозак не потребовался после разговора с некими представителями властей и органов. Договоренность состоялась. Ситуацию прояснили с новой стороны.

В помещении же они с Плешивым довольно быстро потерялись. То ли сказались принадлежность к разным кланам, то ли их совместная деятельность подошла к концу. Зеленый выглядел бледнее обычного, под глазами виднелись темные круги. Он отстраненно бродил по переполненному холлу, представляющему из себя усеченный по широкой стороне громадный овал. Совершив нечто похожее на круг почета, он остановился в центре, рассеянно слушая бойких пенсионеров.

Навстречу ему, от входных дверей к дверям зала, шла цепочка распорядителей. Несли на планшетах горки бархатистых черных коробочек, обивкой напоминающих гробики. Предпоследней в цепи шла Алла. Их взгляды встретились. Алла остановилась и с максимальной осторожностью нагрузила

своими корбочками замыкающего, обремененного маленькими разноцветными флажками.

— Тебя сегодня награждать будут, — сказала Алла и улыбнулась.

— Мне сказали. Большая честь. Говорил — дело большое...

— Ты похудел. Мешок с костями.

— Откормишь?

— Придется. — Она потрогала пальцем его заострившийся нос.

Они взялись за руки. Потом Алла взяла его под локоть и отвела от линии снабжения. Коробочки все прибывали.

Опера концентрировались вокруг плевательницы на входе. Конкретного указания о воздержании от курения не поступало, но на всякий случай курили в кулак, пуская струи дыма в потолок.

У противоположной стороны дверей сгущались представители конкурирующей конторы. Люди, сформировавшие эту группу, отличались большим вниманием к своей одежде, были сдержанней в проявлении эмоций с отсечением по росту — не ниже среднего. Кроме того, никто из них не позволил себе закурить.

Магнитные волны конкуренции, протекающие между двумя полюсами силовиков, пронизывали входящих в холл.

— Заходи, Палыч, не разувайся! — перехватил опоздавшего криминалиста Брюховец.

— Палыч, друг! — подхватил Лева. — Заходи, Петя тебя ждет уже. Посоветоваться хочет. Смотри, сколько здесь окурков!

Палыч, старательно не обращая внимания на дежурные подначки коллег, присоединился к своим, закурил, оглядел оперов и клюнул наименее защищенного Брюховца:

— А я не понял, ты что, до сих пор не в магазине? Пяткой в грудь стучал: бутылку поставлю — и где?

— Да, Эдвард, — согласился Лева, — еще как стучал! Скворечник в груди мог сделать. И что? Василий Сергеевич вон давно проставился и отдыхает. Подумать только, орденосец — и такая жадность! Это я, Василий Сергеевич, не к вам, я к гражданину Брюховцу.

Довольный удачным переключением внимания, Палыч начал радостно лыбиться. Коротких снисходительно слушал треп сотрудников. Он контролировал подходы. Начальство обреталось где-то неподалеку.

— Я сказал, как вручат, тогда... Говорил? — оправдывался Брюховец.

— Лучше бы ты это слово не держал, — посоветовал Петя. — Боишься, из списка вычеркнут?

— За мной не заржавеет, — усилил аргументацию Брюховец.

— Группа прикрытия? — спросил Палыч, кивнув на скопление особистов у противоположной стенки.

Там его жест заметили. И взяли на заметку.

— Неизвестный будет? — не обращая внимания на Брюховца, задал новый вопрос Палыч. — Или это неизвестно?

— Все будут, — ответил Коротких.

— Конечно, все, — поднял брови Лева, — если даже тебя позвали! Палычу я, Палычу...

— А он сам пришел, — сказал вредный Петя. — Никто его не звал.

— Кстати, банкет будет? — осведомился Палыч.

— Слухи ходят, — подтвердил Лева. — Корреспонденты вон сами не свои бродят. С повышенным слюноотделением. А у них чутье на это дело!

— Так, Зеленый! Ты что это, гнушаешься боевых товарищей? Иди сюда, — позвал Коротких.

— Что бродишь, как потерянный? — Лева хлопнул Зеленого по плечу. — Наслышаны уже о ваших подвигах. — Лева подвигал пшеничными усами. — Герой!

Опера дружелюбно заржали.

— Друг твой давно определился... — И Лева кивнул на Плешивого, окруженного непроницаемыми соратниками. — Дырки провертели для орденов?

— Зачем? У них и так их хватает...

— Так, примолкли! — погасил разговор Коротких. — Руководство.

К ним приближались Кириллыч с Валерой. Кириллыч атомным ледоколом двигался впереди. Его сторонились, давая пройти, стараясь не зацепиться за заведенные за спину руки-захваты. Валера держался в кильватере.

— Что, курим? — обратился к подчиненным Кириллыч. — Коротких?

— Так, товарищи, прошу проходить! — вмешался в их разговор какой-то невзрачный чиновник в сером костюме. — Начинаем. Прошу вас. — И он, обеими руками указывая путь, поспешил вперед.

В холле появился Мужиков с охраной. Правая рука его покоилась на перевязи. Похоже, на это пошла головная повязка. Следом двинулся мрачный Иванов-Неизвестный с помощниками.

Менты первыми молча потянулись в зал мимо рыцарей плаща и кинжала. Лева воспользовался переключением их внимания на начальство и аккурратно положил тлеющий окурочок в нагрудный карман одного из заклятых противников. Брюховец сдавленно хихикнул, одобряя эту удачную мелкую пакость.

Расселись на задних рядах — передние были уже заняты пенсионерами — по разным сторонам прохода. Руководство прошло вперед. На подготовленные места.

Внезапно среди подчиненных Иванова-Неизвестного поднялась суета. Донесся характерный запах жженой материи. Один из особистов подскочил и принялся хлопать себя по груди, словно поперхнулся. Товарищи начали помогать. Совместными усилиями окурок потушили и извлекли из кармана, чуть не забив пострадавшего насмерть.

Сыскари сидели с каменными лицами.

— Я попросил бы пока не вставать и не хлопать, — обратился к присутствующим один из членов президиума.

Внимание переключилось на сцену. На небольшом возвышении стоял длинный стол, покрытый красным сукном. На фоне задника с гербом города заседали четверо человек со скорбными лицами, утомленно положив скрещенные руки на стол. Развлекались питьем прозрачной жидкости из графина. Им поднесли еще несколько пластиковых бутылок с водой.

Когда из-за боковых занавесей показались Петр Кузьмич с представителем головы Павлом Поликарповичем, все почему-то встали и захолопали. Аплодисменты мановением руки прекратил Павел Поликарпович, обозначив старшинство, и сел за стол на свободное место посередине. Петр Кузьмич наклонился к нему и, получив одобрение, прихватил бумаги и прошел к внушительной кафедре. Алла поднесла чай в стакане, накрытом белой салфеткой.

Петр Кузьмич толкнул небольшую речь по бумажке о «наших нестареющих ветеранах», а также о памяти, значении и светлом будущем. После этого он приступил к раздаче медалей к юбилею города.

— Триста лет коню Буденного! — хохотнул Лева.

Коротких грозно вперился в него.

Ветераны выстроились в очередь по старой, укоренившейся с советских времен привычке. Их усадили обратно. Действие напоминало конвейер. Петр Кузьмич трудился не покладая рук. Распорядители подносили и открывали коробочки, президиум благосклонно взирал, телевизионщики снимали, одаренные ветераны галдели, разглядывая желтые медали. Некоторые пытались сказать что-либо в порядке алаверды, задерживая процесс, что пресекалось вездесущими распорядителями церемонии.

Наконец с пенсионерами покончили. Петр Кузьмич вернулся в президиум за новым благо-

получением. Получив его, он мотнул головой, и началось выстраивание новой мизансцены.

В первый ряд, где разделенные проходом уже сидели Мужиков и Иванов-Неизвестный, посадили перебинтованного Пинчера, как представителя международных кругов борьбы с оргпреступностью. Добавили благообразных ветеранов и подающую надежды молодежь. Карп оказался в первом ряду с целью саморекламы — камеры новостных каналов работали. Зеленого с Плешивым поставили по левую руку от членов президиума. Герои дня скромно потупились. За сценой обоих обрядили в одинаковые костюмы мышинового цвета. В зале перешептывались.

Петр Кузьмич вернулся за кафедру, приосанился перед микрофонами и, проверяя себя в камере, посмотрел на телекамеры. Затем — на Павла Поликарповича. Тот важно кивнул. Журналисты принялись писать в блокнотах, не дожидаясь начала речи.

— Господа! — вступил Петр Кузьмич, недоверчиво дважды сверившись с бумажкой. В дальнейшем он заглядывал в нее редко. Наверное, заучил. — Сегодня мне выпала честь... Вот Павел Поликарпович (кивок) передал мне это право (кивок) объявить вам об окончании беспрецедентной, успешно оконченной операции. наших правоохранительных органов. Ограбление раскрыто!

Переждав аплодисменты, во время которых он смотрел на представителя головы как на оракула и ареопаг в одном флаконе, и подкрепившись изрядным глотком чая, Петр Кузьмич продолжил.

— Не всех я могу представить сегодня, — сокрушался докладчик. — Некоторые наши сотрудники, которые рисковали своими жизнями в борьбе с организованной преступностью, к сожалению, не могут быть представлены. Ни вам, ни к награде! Их тяжелая, опасная работа в логове врага продолжается. Они несут секретную службу... О них мы еще узнаем в свое время. Но я могу сегодня представить вам и от имени руководства — кивок — вручить эти заслуженные ордена нашим, не побоюсь этого высокого слова — ветеранам меня поймут — героям! Геннадий Николаевич Махонин и Олег Юрьевич Пельшенко. Вот они!

Герои скромно потупились.

— Их миссия была трудна! — высокопарно поведал докладчик. — Эти скромные парни не боялись работать в самом логове мафии!

Зеленый покраснел от смущения.

— Они вжились в эту опасную среду... Это было трудно, — еще раз похвалил Петр Кузьмич, зацеливаясь, — но они работали и раскрыли крупнейшее преступление и вскрыли сеть... Такие люди

есть! Они перед вами. Наши доблестные борцы с преступностью! Рыцари сыска! — Взмах в первый ряд на Мужикова и Иванова-Неизвестного.

Несколько фотокорреспондентов тут же запечатлели новых центурионов. Карп оказался в кадре.

— Я не побоюсь теперь этого сказать: их миссия выполнена! Да! — Петр Кузьмич повел рукой за горизонт. — Преступники бежали за границу!

Разделив ответственность за сообщение с Павлом Поликарповичем, Петр Кузьмич продолжил вещать:

— Их укрыли на той стороне! Мы подали соответствующую ноту. Но наши доблестные трудяги, — взмах руки в направлении Зеленого с Плешивым, — смогли вернуть государству деньги, украденные в нашем — кивок — банке. Мы знаем, на что должны были пойти эти деньги. И мы знаем, кто хочет раскатать лодку в преддверии выборов! — распалился оратор. — Мы точно знаем, кто руководит этими эмиссарами!

Павел Поликарпович окормил докладчика очередным кивком.

— Из-за границы!.. На что направлены их тщетные усилия. И их малочисленных приспешников. Кстати, с сопредельной территории раздавались выстрелы. Нас пытались свергнуть в провокацию! Некоторые наши сотрудники были ранены, а некоторые — убиты. Но мы не позволим гнездиться! — возвысил голос Петр Кузьмич. — Никому! С корнем вырвем! Когда у нас есть такие люди! — вырулил он к финишу. — Эти скромные, симпатичные парни заслужили столь высокую оценку своим беспримерным мужеством. В тяжелой борьбе...

С кем, Петр Кузьмич не уточнил.

Затем оратор под овации и вспышки блицев прикрепил ордена к мундирам славных парней, в число которых включили и пострадавших Коротких с Брюховцом. Не обошли и Валеру с Кириллычем, закрытым приказом не разглашая имен. Награды нашли достойных.

Снимались на групповое фото. На память. И для отчетности...

Плешивый с Зеленым — в центре композиции, обрамленные членами президиума, а также Мужиковым и Ивановым-Неизвестным. Остальные орденосцы прилепились по краям. После фотосессии президиум, вместе с милицейским начальством всех мастей, собрался вокруг Павла Поликарповича, обсуждая проведенное мероприятие.

Толпа приглашенных начала смешиваться, покидая зал. Ступали мелкими шажками, постепенно спрессовываясь у горловины выхода.

— Так, я не понял, полегче нельзя? — оскорбился Кириллыч, которого кто-то из особистов задел плечом.

— Ты бы еще шире руки расставил, — ответили ему. — Что за гарлемские приколы!

— Слушай, ты бы помолчал, козел, пока рога не обломали! Смотреть надо, или не в курсе? — энергично подключился Валера.

Запахло электричеством, заряды накапливались. Ситуация вырвалась. Столкновение было неминуемым, тем более что секретный Утюг отсутствовал. Против особистов в первых рядах, по бокам Кириллыча, менты выставили Валеру с Коротких. Как самых представительных. Поддержка конфликтующих присутствовала с обеих сторон. Пенсионеры озадаченно обтекали эпицентр ссоры.

С обеих стороны неслись оскорбления. Самыми характерными были «менты поганые» и «мура».

Реплики становились резче и вышли на новый качественный уровень. Начали крыть по матери.

Раздались гулкие каменные шаги Командора. Распахнулись двери, и появился Утюг. Это был его лучший выход.

В президиум полетели стулья. Петр Кузьмич вывел с передовой представителя головы, остальное начальство тоже решило не задерживаться под артобстрелом. У бортика сцены Алла отливала водой из графина Зеленого с Плешивым. Общим перекрестно досталось от своих и чужих в первую голову.

Сплетенный членистоногий клубок из сотрудников различных органов рывками перемещался по залу, сметая все на своем пути. Раздавались зубодробительные удары, а также удары по печени, почкам и прочим явно недоступным органам.

В центре драки бился, как лев, оперуполномоченный Брюховец. Врученный орден ему оборвали при первой же возможности, что и довело Эдуарда Клавдиевича до точки кипения. Многим могло не поздоровиться, если бы его тело вовремя не вынесли.

А на груди его сияла... Кто-то положил на Брюховца найденный орден...

Наутро вся страна узнала об очередной победе над спрутом. Еще одна ядовитая голова у многоголовой гидры была отрублена. И еще не успела отрасти. Положительные примеры самопожертвования дошли до широкой общественности.

Все тайное становилось явным!

В общем, сообщение прошло с большим воодушевлением в массах сотрудников и должным подъемом в рядах. Осталось только сплотить

Иванов

ся. И повести несокрушимую борьбу с оборотнями в погонах. Включая старших оборотней по особо важным поручениям.

Ходили досужие домыслы, невнятные рассказы о потасовке после вручения наград, но о мотивах ничего не было известно. Не сообщалось. ТАСС не информировал.

До чего только не дойдут в своих измышлениях брызгающие слюной злопыхатели в попытке опочорить всех и вся! Без сомнения — провокация...

ЭПИЛОГ БРАВЫЙ СЕРЖАНТ

— ...а сейчас продолжаем... — донеслось из неработающего телевизора. — Итак, разведчик Джеймс Браун незаметно приземлился в Бубырево. Он ничем не выделялся из толпы горожан. Только сзади за ним волочился парашют, а на груди болтался автомат...

«Где-то я это уже слышал», — пробормотал чей-то голос. Может быть, даже внутренний...

— Но участковый инспектор сержант Свиридюк наметанным глазом выделил его в толпе москвичей, определив отсутствие регистрации, и достал именную, наградной восемнадцатизарядный пистолет системы «Серп и молот». Отечественной

разработки. Среди восемнадцати трупов Брауна не оказалось. Продолжение следует...

Голос за невидимым кадром затих. Из-за серого экрана полилась тревожно-утверждающая музыка.

— Пам-па-ра-ра-пам-па-па-пам-пам-пам... — пропел натужно скрытный диктор и закашлялся. — Смотрите следующую серию «Бригады участковых»!

Сержант Свиридюк недоверчиво покачал головой. Уж он-то знал, что такое ежечасная борьба с преступностью. А это — так... Наболтать можно все что угодно! Хотя бы имена подбирали...

Свиридюк недоуменно посмотрел на рапорт о происшествии. Ничего не разобрать!

Но делать было нечего, надо будет разбираться...

Он выключил радиоточку, то бишь телевизор, и приступил к рихтовке бронежилета деревянным молотком. Доставку нового обмундирования задерживали.

Побаливали старые раны.